

Толстой Л.Н.

5-11 сент. - 88
205

ЛИСТАЯ
СТАРИЕ ПОДШИВКИ

3 июля 1907 года в петербургской газете «Слово» появилось тревожное сообщение: «Слухи о кончине графа Л. Н. Толстого».

«Из Москвы по телефону нам сообщают, что там вечером распространились упорные слухи о кончине в Ясной Поляне графа Льва Николаевича Толстого. Слухи эти, как добавляют, нуждаются в подтверждении. Таким образом, остается надежда, что они неверны и что это великое горе еще не постигло Россию».

4 июля на первой полосе еще одно сообщение — «К слухам о катастрофе в Ясной Поляне», где сообщалось, что слухи о несчастье, постигшем семью Толстого в Ясной Поляне, и о кончине самого Льва Николаевича оказались ложными.

14 июля «Русское слово» в рубрике «Среди газет и журналов» следующим образом объяснило возникновение этих слухов.

«Недели две тому назад была ограблена в селе Ясенках (6 верст от Ясной Поляны) почта на 900 рублей, и нападавшие, скрываясь от погони, забежали в соседнюю с имением дочери Толстого рощу, принадлежащую генеральше Звегинцевой. Тотчас со двора имения генеральши отправились люди с ружьями и собаками; роща была обложена со всех сторон, грабители были выслежены и схвачены. Начался жестокий самосуд, и схваченных полумертвыми передали в руки властей».

Спустя неделю у опушки леса, принадлежащего к яснополянскому имению, появились какие-то молодые люди (семь человек) и стали спрашивать, чье это имение. Им сказали, это имение графа Толстого.

— А где же имение Звегинцевой? Им показали.

Когда молодые люди подошли к рощице генеральши, на барском дворе уже знали, что появились «забастовщики», как в той местности называют анархистов, что они пришли отомстить, и из рощи показались скакавшие всадники: охотник, кучер и стражник».

В результате столкновения убили охотника и кучера, стражник убежал, «анархисты» скрылись. А весть о событии облетела всю округу, так родилась легенда о Толстом.

«Воображение, — повествует далее газета, — рисовало ужасы и те подробности, какие на лету схватывались, об убийстве кучера и охотника, они превращались в ужасную картину нападения на семью Толстого, и легенда рисовала знаменитого писателя распростертым на земле, истекающим кровью, и даже как-то прощальные слова вкладывала ему в умирающие уста. Легенда быстро домчалась до Москвы, докатилась до Петербурга, перебралась в Европу, полетела за океан — и сотни запросов посыпались в Ясную Поляну. Когда Лев Николаевич узнал об этом, он добродушно заметил: — Ну что ж? Все помирать будем. А умереть в постели, на море или от чего другого, — это Он знает уж, что лучше».

Не успели утихнуть страсти июльских событий, как 7 сентября газета «Голос Москвы» вновь сообщила взволновавшие всех известия из Ясной Поляны. От специально командированного туда корреспондента Г. О. Клепацкого читатели узнали, что день 55-летнего юбилея* графа

* Имеется в виду 55-летие литературной деятельности.

ВЫСТРЕЛЫ В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ

ГАЗЕТНЫЕ «СТРАСТИ» ВОКРУГ ЮБИЛЕЯ Л. Н. ТОЛСТОГО

Неделя - 1988 - 5-11 сент

Льва Николаевича Толстого, «по злой иронии судьбы омрачился происшествием в духе нравов современной деревни».

Г. О. Клепацкий писал:

«В конце прошлой недели, глубокою ночью в ста шагах от графского дома неизвестные злоумышленники, прорвавшись к хозяйственным постройкам, открыли стрельбу из револьверов и ружей. В том месте находился огород, который охранялся двумя сторожами».

Через день нападение повторилось, на этот раз неизвестные стреляли уже из двух револьверов и трех ружей. Сторожа погибли за неизвестными и видели, как они бежали из Ясной Поляны и скрылись в избах. Андрей Львович Толстой залпил о случившемся тульскому губернатору Кобеко.

— Сорок пять лет, — говорит с грустью семья Толстых, — между нами и крестьянами существовали самые хорошие отношения — и вот теперь стрельба, обыски».

А вот как другая, «Петербургская газета» откликнулась на прогремевшие выстрелы в имени Л. Н. Толстого.

Статью эту написал Ник. Брешко-Брешковский, писатель и критик. Он опубликовал ее в газете от 9 сентября под на-

званием «Юбилейные залпы» в Ясной Поляне».

«Я думал, — писал Брешко-Брешковский, — что нервы наши притупились окончательно... Нет пыток, нет злодейств, которые удивили бы вас...»

Думал, пока не прочел телеграммы из Ясной Поляны.

Приблизительно было так:

До юбилея Льва Николаевича оставалось два дня. Несколько негодяев, прокравшись меж хозяйственными постройками, начали обстреливать из револьверов и ружей графский дом. Расстояние шагов сто, не более.

Огородные сторожа бросились на залпы, и негодки скрылись. Но это был лишь антракт. Ночными потемками они вновь стали засыпать пулями дом Толстых.

Опять сторожа, опять негодки исчезли...

Сын графа, Андрей Львович, телеграфировал тульскому губернатору. В Ясную Поляну помчалась полиция, помчались стражники. Обыск. Трех мужиков арестовали. Один, по личной просьбе Льва Николаевича, — освобожден.

В Ясную Поляну выехал губернатор из Тулы. Семья Толстых спокойна. Револьверные и ружейные залпы объясняют озорством. Конечно, в семье титана и му-

жество титаническое. Конечно, Толстой с его непотворением злу против наказания негодяев. Но что это не озорство, — ясно как божий день...

Что это такое?

Какие звери, какие отвратительные чудовища посягнули так подло и гнусно омрачить юбилейные дни первого писателя на нашей планете?.. Кто эти мерзавцы? Во имя каких партийных целей пошли они на это злодейство?»

Буржуазно-либеральная печать в эти дни 1907 года отчаянно вела подготовительную кампанию по выборам в III Государственную думу. Через нее буржуазия стремилась разрешить мирным путем назревшие политические и экономические проблемы России, приведшие к первой русской революции. Возвращения революции страшно боялись и пытались «раздуть» все случившееся в Ясной Поляне в юбилей Л. Н. Толстого — для того, чтобы обвинить во всем этом революционеров.

20 сентября в газете «Слово» И. Тенеромо пишет:

«По поводу нашумевшего обстрела дома Л. Н. Толстого я получил из Ясной Поляны сообщение, что никакого обстрела дома и не было».

Крестьяне и не думали нападать на дом, а тем более на великого старца, очень чтимого ими.

Был спор из-за присваиваемого крестьянами барского леса, давно уже перешедшего во владение графини С. А. Толстой, и крестьяне поугали сторожей».

Между тем губернатору в Тулу послана была тревожная эстафета о разгроме Ясной Поляны, и губернатор немедленно прислал стражников и приставов.

А по всему миру полетели телеграммы о «покушении» на графа Л. Н. Толстого.

Стражники находятся и до сих пор в деревне, и это только сильно тяготит впечатлительную душу Льва Николаевича, который лишен теперь дорогого для него общения с крестьянами, как только он выйдет за ограду своего старинного дедовского парка и увидит всегда мирную и тихую, а теперь наполненную вооруженными людьми деревню, так сожмется болью и досадой его сердце, и он с поникшей головой бредет назад.

Он в заточении».

Но в связи с этими событиями в дни юбилея Л. Н. Толстого интересно вспомнить еще один разговор корреспондента «Петербургской газеты» с сыном Л. Н. Толстого Андреем Львовичем.

«Накануне 6-го сентября мы как-то очень долго засиделись ночью в отведенной мне комнате с Андреем Львовичем Толстым, с которым мы познакомились еще зимою прошлого года в Туле. И у меня до сих пор звучат в ушах слова сына гениального писателя:

— Стоит ли говорить о 55-летнем юбилее и о том, как его отпраздновали в России?.. Более чем уверен, что отцу, если бы вздумали его чествовать, это скорее было бы неприятно, чем приятно».

Вот завтра приезжает в Ясную Поляну губернатор лично расследовать причину ночной стрельбы в нашей усадьбе. Это и будет «чествование» Льва Николаевича Толстого... Боюсь еще одного: губернатор обещал мне приехать в 10 часов утра, а отец с десяти до двух работает у себя в кабинете. И более чем вероятно, что не выйдет в гостиную. Как бы не обиделся на Льва Николаевича губернатор...»

По поводу празднования юбилея в Ясной Поляне корреспондент с горечью замечает:

«...читатели поймут, если я им сообщу, что ваш покорнейший слуга был единственным гостем и представителем русской печати в день 55-летнего юбилея у Л. Н. Толстого... Мало того: ни одна из русских газет не прислала даже приветственной телеграммы в день 6-го сентября!»

Интересен в этой связи еще один факт: стражники, присланные в Ясную Поляну по просьбе С. А. Толстой, проверяли паспорта у посетителей Толстого, и на просьбу Толстого не делать этого урядник «грубовато ответил, что графиня желает быть огражденной от подозрительных людей, как же им не смотреть паспорт, они должны»...

Последние сообщения о событиях в Ясной Поляне были 2 октября в «Русском слове». Газета сообщала:

«В Петербург приехал из Ясной Поляны известный толстовец и биограф Л. Н. Толстого — г. Бирюков. По его словам, здоровье Льва Николаевича вполне удовлетворительно, хотя по временам дает себя чувствовать свойственная его возрасту слабость».

К праздному обличительству некоторых московских газет лично Л. Н. Толстой относится равнодушно. Некоторое раздражение к этому проявили только окружающие Льва Николаевича, хотя и они относятся к статьям, рассчитанным на сенсацию, с глубочайшим пренебрежением. Газетные сообщения о стрельбе в Ясной Поляне сильно преувеличены. Подкладка нескольких выстрелов, раздавшихся в Ясной Поляне, оказалась самая прозаическая. По осени крадут капусту, и вот на этой почве между сторожами и смелыми искателями капусты произошло несколько столкновений. Об этом узнал только губернатор и, из желания быть любезным Льву Николаевичу, лично приехал в Ясную Поляну.

Затем произведено было расследование, и два крестьянских парня были арестованы. Лев Николаевич, узнав об этом, настоятельно хлопотал об их освобождении».

В Ясной Поляне в настоящее время гостит И. Е. Репин, он пишет двойной портрет — Льва Николаевича и Софьи Андреевны. Это будет первый портрет, на котором Лев Николаевич будет изображен вместе с Софьей Андреевной».

Зинаида РОГОВА.